

УДК 81:821.222.8[(55)+(315)]

УЙГУРЫ И ИРАНО-КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Муроиди Н.

Исследование вопросов влияния персидско-таджикской литературы на уйгурскую поэзию и прозу выявляет удивительные факты и интересные материалы, свидетельствующие о могуществе таджикского и дари, и о значимости литературы на этом языке. Уйгуры смогли посредством своего алфавита дать вторую жизнь не только буддийскому, но и древнехристианскому письменному наследию. Более того, они совместно с тибетцами перевели с санскрита на свой язык индийские и буддийские произведения. Другой их заслугой является перевод произведений с китайского и тохарского языков. Очевидно, что культуры и цивилизации развивались параллельно. Например, благодаря Великому Шелковому пути не только ощущалось влияние согдийской культуры, но также происходил и диалог культур. В особенности, изучение северной и северо-западной частей Китая выявляет связь с иранской цивилизацией и тюркской культурой. Шелковый путь находился и под контролем согдийцев, что в VII-VIII вв. обеспечивало проживание персоязычного и тюркоязычного населения в регионах Китая. Данное обстоятельство впоследствии послужило причиной появления персов в Китае. На протяжении сотни лет уйгурский народ, проживая в Западном Китае, вносил огромный вклад в проникновении персидской культуры и литературы.

Ключевые слова: уйгуры, персидско-таджикская литература, Китай, согдийцы, культура, история, цивилизация.

UIGHURS AND IRANIAN-CHINESE CIVILIZATION

Murodi N.

The studying of Persian-Tajik literature influence on Uighur poetry and prose reveals amazing facts and interesting materials that testify to the Tajik and Dari power, and the significance of literature in this language. The Uighurs were able, through their alphabet, to give a second life not only to the Buddhist, but also to the

ancient Christian written heritage. Moreover, together with the Tibetans, they translated Indian and Buddhist works from Sanskrit into their language. Their other merit is the translation of works from Chinese and Tocharian languages. Obviously, that cultures and civilizations developed in parallel. For example, thanks to the Great Silk Road, not only the influence of Sogdians culture along this road was felt, but also a dialogue of cultures took place. In particular, the study of the northern and north-western parts of China reveals their connection with Iranian civilization and Turkic culture. The Silk Road was also under the control of Sogdians ensuring in the 7th and 8th centuries the residence of the Persian-speaking and Turkic-speaking population in the regions of China. This circumstance subsequently caused the appearance of the Persians in China. For hundreds of years the Uyghur people, living in Western China, made a huge contribution to the penetration of Persian culture and literature into ancient China.

Keywords: Uighurs, Persian-Tajik literature, China, Sogdians, culture, history, civilization.

Влияние и распространение персидской литературы на литературу других народов, бесспорно, и данную точку зрения подтверждают исследования не только персоязычных ученых, но и востоковедов и иранистов всего мира. Круг исследований в данном направлении расширяется год от года, новые факты и материалы становятся объектом научных изысканий ученых, что способствует всестороннему изучению роли и значения персидской литературы в мировом масштабе.

Исследование вопросов влияния персидско-таджикской литературы на уйгурскую поэзию и прозу выявляет удивительные факты и интересные материалы, свидетельствующие о значимости литературы на фарси и таджикском языке.

Ввиду того, что речь идет о распространении персидского языка и литературы на территории Уйгурии, представляется необходимым рассмотрение исторических предпосылок данного явления, непосредственно

связанных с этнической историей, т.е. формированием таджикского и уйгурского народов. В связи с этим, можно упомянуть о нескольких существующих теориях. Однако целью настоящей темы исследования является не сравнительный анализ этих исследований, а выбор наиболее точной и приемлемой точки зрения по данному вопросу.

«Многочисленные исторические, археологические и этнографические факты свидетельствуют, что в древнейшие времена, точнее в третьем и во втором тысячелетиях до нашей эры предки таджиков – иранские племена занимали обширные земли от Юго-Восточной Европы (т.е. северное побережье Черного моря и степи Евразии) до Восточного Туркестана (современная провинция Синьцзян в Китае) и от Урала до юга Ирана. Согласно устойчивой и близкой к правде точке зрения, предки разных и родственных между собой индоиранских племен до периода отделения друг от друга проживали на территории современной Средней Азии и в ее приграничных районах. Впоследствии одна из групп поселилась в Индии, другая в Малой Азии и в Западном Иране. Из числа иранских племен, которые населяли территорию современной Средней Азии: согдийцы, бактры, хорезмийцы, порты, маргияны, уструшанцы, ферганцы, саки, массагеты и многочисленные племена Восточного Туркестана являлись прямыми предками таджиков» [15, с. 29].

Источником данного утверждения, которое поддерживается большинством исследователей, является древняя книга «Авеста». В шестой тетради книги, под названием «Вандидат», в первом фаргарде приводятся слова Ахура Мазды: «Первым благостным краем, который создал я – Ахура Мазда, была Иранвейджа...» [2, с. 422], то есть та самая Аирянаваеджа в значении «страна иранцев» или «коренное местоположение иранцев», где с самого начала проживали древние иранцы.

Известный исследователь «Авесты» Джалил Дустхох, принимая во внимание результаты научных изысканий археологов и ученых-иранистов, отмечает, что, Иранвейджа, воспетая в «Авесте», это те самые земли Средней Азии и территория Хорезма. По поводу этнического формирования народов он

высказывает следующее мнение: «Прародиной и местом первоначального пребывания индоиранских племен, по всей вероятности, была территория Средней Азии. Разделение этих племен на индийские и иранские группы произошло по причине их последовательных миграций. Сначала одна группа через территорию современного Афганистана мигрировала в Индию (индийские племена), а затем те племена, которые остались в Средней Азии, переселились в земли современного Ирана и Афганистана (иранские племена). Новые места проживания иранских племен простирались от Кавказских гор и пустынь Средней Азии на Севере до берегов реки Умман (Оман) и Персидского залива на юге, от Афганистана с одной частью Памира, и устья реки Синд на Востоке до земель Байнаннахрейна в Бохтаре. Данное обстоятельство, естественно, способствовало появлению различных диалектов и наречий, которые со временем становились полноценными и самостоятельными языками» [2, с. 21-22].

В действительности, этническое родство уйгурского народа с иранскими народностями является недостаточно изученной страницей истории. Так, например, «взаимосвязи между Китайской провинцией Синьцзян, которая упоминается также под названием Магрибзамин, и землями Ирана установились несколько столетий назад. Согласно историческим фактам и свидетельствам, во II-III вв. до нашей эры между этими регионами существовали торговые и культурные взаимоотношения. До того, как предки сегодняшних уйгуров, упомянутые в истории под названием "хуйгу", мигрировали из Монголии на территорию Синьцзяна, в данном регионе проживали саки, тохары, согдийцы, которые по происхождению были иранцами и говорили на иранских диалектах. В течение столетий происходило расовое смешение между коренными жителями – иранцами и племенами-эмигрантами. В особенности, после 840 года н.э., когда предки уйгуров, в большом количестве покидая прежние места, прибыли в этот край, усилился процесс ассимиляции между этими двумя народами. Иранские племена, постепенно теряя национальное своеобразие, перемешались с тюркоязычными

племенами, и в результате появилась новая народность – сегодняшние уйгуры» [13, с. 260].

Рассматриваемый вопрос по-другому освещается в трактате Фазлуллаха Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) – сочинении, являющимся одним из важнейших источников по истории и культуре Средней Азии и Востока в XIII-XIV вв., по истории и экономике Среднего и Ближнего Востока, а также по исследованию социальной жизни кочевых монголов, чье властвование над коренными цивилизованными народами Ближнего Востока продолжалось столетиями. Пожалуй, не существует другого источника, где бы так ярко и мастерски, на основании достоверных фактов были бы отражены все аспекты кочевой жизни с ее традициями и обычаями [12, с. 572].

В разделе «Кавми уйгур» (Племя уйгуров) привлекает внимание легенда о возникновении названия уйгуров: «Когда Огуз сын Карахана..., Яфас сын Ноя, который верил в единого Бога, воевал с имамами – братьями, некоторые из них помогали ему, а некоторых он победил, завоевал страны и создал великую державу. И оказал милость родственникам, эмирам, воеводам, а тех родственников, которые были с ним заодно, назвал уйгурами. И это слово на тюркском языке означает "соединять друг с другом, помогать". И этим именем называли всех, принадлежащих к данному сословию, также их детей и родственников. И таким образом, все уйгуры являются их потомками...» [12, 331-332].

В «Та'рихи Банокати» (Исторические хроники Банокати) Абу Сулаймона Фахруддина Али Банокати также упоминается об истории уйгуров с точки зрения их родства с арийцами. Этот труд написан в 1317 г. и считается кратким пересказом трактата «Джами ат-таварих» [22, с. 371-372].

По данному вопросу можно обратиться также к сочинению Джамала Карши «Мулхакат ас-Сурах» (Прибавление [к словарю] "ас-Сурах"), написанному в Кашгаре. Книга является высоким образцом историографии XIV в. и содержит ценные сведения об экономической, политической и социальной жизни народов Средней Азии и Восточного Туркестана [6, с. 22-23].

Исследования о возникновении и истории уйгурской письменности также смогут подтвердить предыдущие выводы. Уйгурский язык относится к карлукской группе тюркских языков семейства алтайских языков [23, с. 363].

Основой уйгурской письменности является согдийский алфавит, следовательно, он связан с арамейским алфавитом. Данный алфавит использовался еще в V-VI вв. [14, с. 7]. Академик Б. Гафуров, поддерживая эту точку зрения, отмечал, что «следы согдийской письменности впервые были обнаружены в Восточном Туркестане» [9, с. 372]. В подтверждение данной мысли, по мнению других исследователей, «первые памятники данной (согдийской – *М.Н.*) письменности, относящиеся к IV веку, были обнаружены в Хутане в начале XX века» [3, с. 25]. Ввиду того, что уйгурская письменность основана на согдийско-персидской письменности, общность этих двух алфавитов становилась причиной возникновения трудностей в работе археологов. Так, в 1933 г. согдийские тексты, обнаруженные на горе Муг в Таджикистане, первоначально были отнесены к уйгурскому языку [18, с. 5].

Научно-археологические раскопки, проведенные советским уйгуроведом С.Е. Маловым, также подтверждают вышеизложенные факты. Ученый в ходе раскопок на территории Восточного Туркестана наравне с уникальными находками, обнаружил древний текст, написанный на уйгурском алфавите. Эта древняя книга уйгуров-манихейцев под названием «Хуастуанифт» (Молитва покаяния манихейцев) относится к V в.

Профессор Университета Осаки тюрколог Такао Мориясу также рассматривает данную проблему в своих статьях, в том числе, в работе «Исследования японцев по истории согдийцев на Шелковом пути: от Согда до Китая». На основе изучения согдийской истории и культуры, он выразил свою точку зрения по поводу общности согдийского и уйгурского алфавитов. Ученый, обращая внимание в основном на письменные источники этих двух языков и древние монеты, отмечает значение Великого Шелкового пути в развитии культурных взаимосвязей согдийцев и уйгуров [10, с. 262-267].

Казахский исследователь А. Камалов в своей статье «Проблемы истории и культуры согдийцев и тюрок Центральной Азии и Китая в трудах японских исследователей» приводит точку зрения данных исследователей по вопросу изучения уйгурского языка и алфавита, а также определения их общих черт с согдийским языком и письменностью. Автор подчеркивает достойный вклад японских востоковедов-тюркологов Такао Мориясу, Йошида Ютака, Ивами Кийохиро, Аркава Масахуру, Ханеда Акира и некоторых других исследователей в изучение данной проблемы [10, с. 262-267].

Еще в XIX в. европейский путешественник и востоковед Арминий Герман Вамбери, написавший ряд сочинений по географии, истории, а также о жизненном укладе и культуре народов Средней Азии и Ирана, подчеркивал, что в действительности без появления уйгурского алфавита в регионе вряд ли бы сохранилось буддийское, манихейское и христианское наследие [8, с. 56; 22, с. 580].

Примечательно, что уйгуры при помощи своего алфавита вдохнули вторую жизнь не только буддийскому, но и древнехристианскому письменному наследию. Более того, они совместно с тибетцами перевели с санскрита на свой язык индийские и буддийские произведения. Другой заслугой уйгуров является перевод произведений с китайского и тохарского языков [16].

Безусловно, можно утверждать, что древнеуйгурский алфавит мог бы способствовать сохранению целой цивилизации и ее огромного наследия, если бы не арабы, которые приложили усилия для уничтожения письменности этого народа. Арабские эмиры поступательно занимались уничтожением неисламского письменного наследия в регионе, в том числе и произведений нерелигиозного характера.

По данному вопросу академик Б. Гафуров отмечает: «Несмотря на то, что в отдельных районах Ирана, Средней Азии (Хорезм, Согд) и Восточного Туркестана в течение нескольких веков после арабского завоевания до некоторой степени сохранились пехлевийская, хорезмская, согдийская, манихейская и христианская письменности, наравне с постепенным принятием

населением ислама ослабевали возможности существования и развития неарабских алфавитов. Произведения, которые создавались на неарабском алфавите, одним своим видом связываясь в сознании мусульман с противоречащими исламу древними религиозными убеждениями, безжалостно подвергались уничтожению» [9, с. 502].

В результате, после официального принятия ислама в 932 г. со стороны объединенного общетюркского государства и первого хана уйгуров Сотука Багрохана-Карахана, уйгурская письменность постепенно пришла в упадок, и уйгурские мусульмане выбрали для своего языка арабский алфавит.

Данный процесс внедрения арабского алфавита в уйгурскую культуру и на территориях ее распространения осуществлялся постепенно. Например, еще в 1432 г. Бакир Мансур-Бахши составил для эмира Герата Джалаладдина Фирузшаха баяз стихотворений на чагатайском языке, который был написан на уйгурском алфавите. Данный факт свидетельствует о том, что в указанный период древний уйгурский алфавит все еще существовал [17].

Однако буддисты не поддерживали арабскую письменность, а в Дуньхуане (восточная часть Синьцзяна, город в пустыне Такла-Макан, у обочины Шелкового пути) люди до XVIII в. также защищали свои убеждения, используя уйгурский алфавит. Следовательно, в свете данных событий шаманская, манихейская, христианская и буддистская религии исчезли в Восточном Туркестане намного позже.

В некоторых источниках, таких как «Диван лугат-ат-турк» Махмуда Кашгари, «Хибат-ал-хакоик» Ахмада Югнаки, «Муншаат» Алишера Навои, «Аджоиб-ал-макдур фи навоиби Таймур» Ибн Арабшаха уйгурский алфавит упоминается также как «монгольский алфавит» или «тюркский алфавит» [14, с. 369].

Эти факты позволяют сформировать вывод о том, что согдийцы были основной движущей силой в развитии цивилизаций. Благодаря Великому Шелковому пути не только ощущалось влияние согдийской культуры вдоль данной дороги, но также происходил диалог культур. В особенности, изучение

северной и северо-западной частей Китая выявляет их связь с иранской цивилизацией и тюркской культурой [10, 263]. Наравне с общеиранской культурой, влияние исламского просвещения и арабских религиозных деятелей в Китае является специальной темой и требует отдельного исследования [21, с. 46-47].

Стремление китайцев к познанию и рассудительности, их любовь к искусству и творчеству, культуре и науке способствовали присутствию иранцев и других народностей в чужом для них регионе. В связи с этим, без внимания к древнему Китаю, к процессам китайской цивилизации и культуры невозможно определить истинную ценность соседней территории – современных регионов проживания уйгуров. Прослеживание общественных тенденций и сегодняшней социально-политической обстановки в Китае говорит об огромной заслуге государства в развитии современного Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Древняя культура и природные особенности способствовали тому, что китайская нация оказалась в центре цивилизаций и выступила в роли соединяющего звена между различными культурами. Поэтому еще с древнейших времен политика открытых дверей была приоритетной для Китайского государства. Подтверждением данного факта является то, что правитель Чаньяна Тай-Тзун еще в 638 г. принял у себя послов Сасанидов и пообещал убежище персидскому народу в случае угрозы со стороны арабов. По этому случаю, в 674 г. сын Яздигурда III Фируз прибыл в Китай, где в знак уважения его провозгласили генералом императорской гвардии.

По утверждению историка Ю. Бобоева, один из известных востоковедов Европы С.П. Фитцджеральд в своей книге «Китай: краткая история культуры», указывая на данное событие, говорит о том, что установление дипломатической дружбы между китайцами и персами способствовало тому, что на территории Китая было разрешено строительство храмов и поклонение Заратустре» [4, с. 53].

Великий Шелковый путь находился под контролем согдийцев. Именно данная политика обеспечивала в VII-VIII вв. проживание персоязычного и тюркоязычного населения в регионах Китая. Данное обстоятельство впоследствии послужило причиной появления коренных жителей – персов в Китае. В исторических источниках говорится о том, что персидские племена здесь жили еще до начала правления династии Тан (VII в.) и способствовали ее развитию. Некоторые историки, в том числе Х. Шарифов, Р. Безертинов упоминают о жизни военачальника Ан Лу-Шана (от согдийского слова Рухшон), перса по происхождению [20, с. 67].

Исследователи отмечают, что в 1980 г., во время археологических раскопок в районе Нинся-Хуэй, в селе Нан-Цзяо были обнаружены могилы, принадлежащие семейству Ши. В найденном списке были приведены имена 21 человека, которые состояли в родстве друг другом и являлись согдийцами по происхождению. Они были выходцами из города Кеша (ныне г. Шахрисабз в Узбекистане) и состояли в родстве с семейством Кан (самаркандцы) и Ан (бухарцы).

Японский ученый Аракава Масахуру в своем исследовании «Согдийцы и королевское семейство Синой в государстве Гаочань» приходит к выводу о том, что в Турфане среди списков государственных служащих встречаются имена нескольких человек с фамилией Ши, что также свидетельствует о влиянии персоязычных на государственном уровне в тот период [10, с. 264-266].

Согдийцы в течение веков жили на территории, простирающейся от регионов Ферганы до Китайской стены [11, с. 43]. В целом, древние иранские племена – саки Памира, йуджы, Хайтолияны, Кидорияны в Восточном Туркестане и северо-восточной части Средней Азии кочевали в степях и предгорьях и занимались скотоводством.

Историк Н. Турсунов отмечает, что «они (иранские племена – *М.Н.*) сыграли важную роль в формировании таджикского народа, в политической и экономической интеграции жителей степей и отдельных поселений. Часть этих племен смогли создать великие империи Кушанидов и Хайтолиянов, а также

внесли огромный вклад в создании синтеза культурной и этнической жизни Востока и Запада» [15, с. 76].

Историк и археолог Г.А. Пугаченкова, анализируя влияние иранской культуры, делает вывод о том, что фигурки обезьян-музыкантов и различные изображения, найденные в Хутане и Ярканде, свидетельствуют о влиянии и распространении бохтарской и кушанской культуры II-IV вв. в этих регионах. Данную точку зрения поддерживает также и специалист истории музыки Востока Н. Хакимов, который в своей книге «Музыкальная культура таджиков» указывает на влияние арийской культуры и искусства на территории Восточного Туркестана (Турфан, Урумчи, Карашар, Хутан, Ярканд, Кашгар, Тарим) еще с периода Хайталиянов [19, с. 27].

Уйгурские ученые, также поддерживая вышеупомянутую точку зрения в своих научных работах, говорят о влиянии согдийской культуры, а также о развитии уйгурской цивилизации на протяжении веков, в том числе, в пространстве общеиранской культуры [1, с. 33-47].

Известный казахский исследователь Ч. Валиханов, некоторое время проживавший в Кашгаре и собравший материалы для своего исследования в Восточном Туркестане, утверждает, что «туркестанцы внешнею напоминают индоевропейский тип. Они очень похожи на таджиков Средней Азии, которые происходят от персов и говорят на персидском языке. Внешний вид туркестанцев полностью отличается от тюрков и монголов» [7, с. 195].

В связи с вышеизложенным в качестве обобщающего вывода можно привести комментарий известного историка М. Бобоханова: «Следует отметить, что сегодняшнее население данного региона (Восточного Туркестана – *М.Н.*) в основном говорит на тюркском языке, однако с точки зрения антропологии многие из них похожи на европейцев. Древнейшим языком населения этого района был согдийский, который был внедрен в результате захвата согдийцами (в III в. до н.э.) данной территории» [5, с. 343].

В действительности, согдийский был одним из языков восточной группы среднего Ирана, языком, на котором говорили в плодородном районе Согда,

между двумя реками – Сайхуном и Джайхуном. В течение тысячелетия (II-XII вв.) он, как один из самых распространенных иранских языков, служил в качестве посланника культуры и литературы, а также торговли в регионах проживания персоязычного населения до границ Китая.

Изучение особенностей культурного обмена, исторических взаимосвязей, взаимовлияния цивилизаций, языка и письменности, традиций и обычаев согдийцев-уйгуров с Китаем позволяет сделать вывод о глубоких корнях персоязычной литературы в культуре современного Китая и, в особенности, в среде уйгурского народа.

Список литературы:

1. Абдулло А. Асрлер абиделери. Урумчи, 2009. 600 с.
2. Авесто. Кухантарин сурудхо ва матнҳои эронӣ. Гузориш ва пажӯҳиши Чалили Дустхоҳ. Душанбе: Конуният, 2001. 792 с.
3. Афсахов А., Қаҳҳорова Х. Хат ва пайдоиши он. Душанбе: Маориф, 1979. 56 с.
4. Бобоев Ю. Между арабами и тюрками // Материалы международного симпозиума «Диалог культур: Место Имама Абуханифы в мировой и исламской культуре». Худжанд, Изд-во ХГУ им. Академика Б. Гафурова, 2009. С.50-57
5. Бобохонов М. Таърихи тоҷикони ҷаҳон. Душанбе: Маориф, 1999. 489 с.
6. Бойматов Л. Восстание Махмуда Тараби. Душанбе: Дониш, 2011. 130 с.
7. Валиханов Ч. Избранные произведения. Т.1. М.: Наука, 1986. 345 с.
8. Вамбери Х. Бухоро ё худ Мовароуннаҳр тарихи. Тошкент, 1990. 96 с.
9. Гафуров Б. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби 1. Душанбе: Ирфон, 1983. 704 с.
10. Камалов А. Проблемы истории и культуры согдийцев и тюрок Центральной Азии и Китая в трудах японских исследователей // Иран-наме. 2008. № 1. С.262-267

11. Каримов П., Воднев В. Истоки культуры таджикского народа. Худжанд, 1992. 50 с.
12. Рашидаддин Фазлулло. Чомеъ-ут-таворих. Чузъи аввал, чилди аввал. Матни илмӣ ва интиқодӣ ба саъй ва эҳтимоми О.Ромаскевич ва диг. М.: [Б.и.], 1965. 572 с.
13. Саъдуллозода З. Пажухиши равобитӣ мутақобилаи забону адабиёти форсу тоҷик ва уйгур // Тухфаи ахбоб. (Мачмуаи мақолаҳо). Хучанд: Ношир, 2012. С. 259-266.
14. Содиков К. Уйгур ёзуви тарихи. (Манбашуносӣ ва китобат тарихи масалалари). Тошкент: Маънавият, 1997. 96 с.
15. Турсунов Н. Асосҳои этнологияи халқи тоҷик. Хучанд: Омор, 1993. 76 с.
16. Тенишев Э.Р. Литературы Центральной Азии II-XII вв. // ФЭБ «Русская литература и фольклор» [сайт]. 2023. URL: <http://bit.ly/3TiEbvG> (дата обращения: 15.03.2023).
17. Уйгурский язык и литература [Электронный ресурс] // ФЭБ «Русская литература и фольклор» [сайт]. 2023. URL: <http://bit.ly/3FpSkSp> (дата обращения: 15.03.2023).
18. Фрейман А.А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 92 с.
19. Хакимов Н. Музыкальная культура таджиков. Худжанд: [Б.и.], 2001. 458 с.
20. Шарифов Х. Яъқуббеки Бадавлат. М.: [Б.и.], 2001. 496 с.
21. Шуховцов В.К. Ренессанс ирано-арабской мусульманской культуры в Китае под властью монголов и этногенез хуэй и дунган в XIII-XIV веках // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака. Материалы международной конференции (2006, 23-24 мая; Алматы). Кн. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С.46-67
22. Энциклопедияи Советии Тоҷик. Ҷилди I: А-Гавҳар. Душанбе: Сарредакцияи илмии Энциклопедияи Советии Тоҷик, 1978. 672 с.

23. Языки народов СССР. Т.2. Тюркские языки. М.: Наука, 1966. 532 с.

Сведения об авторе:

Муроди Низомиддин – доктор филологических наук, профессор кафедры персидского и китайского языка Худжандского государственного университета имени академика Бободжана Гафурова (Худжанд, Таджикистан).

Data about the author:

Murodi Nizomiddin – Doctor of Philological Sciences, Professor of Persian and Chinese Department, Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov (Khujand, Tajikistan).

E-mail: murodinizomiddin@mail.ru.